

Гун Юньшу смотрела на неё ясными, словно звёздное небо, глазами, и от этого взгляда у Хуа Жолянью сбилось дыхание. Она отвела взор, не в силах больше смотреть. Тонкие пальцы сжали висевшую на поясе нефритовое флейту — подарок покойной императрицы-матери — сжали, отпустили, и снова сжали.

— В знак взаимности прими этот дар, — видя нерешительность Гун Юньшу, Хуа Жолянью добавила с усмешкой: — Неужели маршал Гун брезгует моим подношением?

— Нет... вовсе нет, — Гун Юньшу приняла флейту и сразу поняла, что та стоит целое состояние. — Я подарила вам платок, а вы мне — нефрит. В этой сделке вы явно проиграли, Ваше Высочество.

На лице Гун Юньшу сияла радость, она бережно спрятала флейту.

Ты подарила мне плод сливы, я отвечу тебе драгоценным камнем. Это не просто плата, это залог вечной дружбы. Вторую часть фразы Хуа Жолянью оставила при себе. Она никогда не шла на убыточные сделки: платок был прибран, флейта отдана. Взгляд Хуа Жолянью стал глубоким, она лишь надеялась, что Гун Юньшу её не разочарует.

Вернувшись во дворец, Хуа Жолянью искала место, куда пристроить Царя фонарей. Легкая улыбка всё ещё играла на её губах — было видно, что она в отличном расположении духа. Из тени возник черный силуэт и опустился на одно колено.

Улыбка исчезла. Хуа Жолянью потерла ноющие виски. Она устала за день и мечтала об отдыхе, но, судя по всему, покой откладывается. Она отставила фонарь и спросила:

— Что случилось?

Под маской лицо Ин было мрачнее тучи. Он неотступно следовал за принцессой, но внезапно кто-то нанес ему удар, лишив сознания. Это был первый провал в его жизни. Когда он очнулся, принцессы рядом уже не было. Он долго искал её и, наконец, нашел в переулке, где она мирно беседовала с Гун Юньшу.

— Ваше Высочество, на меня напали, здесь становится опасно.

— Что? — Лицо Хуа Жолянью стало серьезным.

Она знала способности Ин. Даже не владея боевыми искусствами, она понимала: человек, который в одиночку отбил покушение убийц, присланных старшим братом, не может быть слабаком. Ин был элитным телохранителем, и всё же его смогли вырубить.

Хуа Жолянью сжала кулаки под широкими рукавами, перебирая в уме возможных недоброжелателей. Кроме старшего брата в столице у неё ни с кем не было серьезных счетов.

Но если это его люди, почему они не тронули её, а только нейтрализовали охрану? Возможно, это вовсе не он. Тогда кто?

— Ступай. Мне нужно подумать.

На следующее утро Гун Юньшу проснулась поздно, с тяжелыми темными кругами под глазами. Вернувшись вчера в комнату, она почти не сомкнула глаз. Она то и дело доставала флейту, а в голове постоянно всплывал образ Хуа Жолянъ. Ночь тянулась бесконечно, и лишь тихий вздох нарушал её покой.

— Маршал! — Генерал Ли помахал ей издалека и быстро подошел. — Я думал, вы тоже пойдете в управу поглазеть, но вас там не оказалось.

Заметив, что Гун Юньшу выглядит так, будто только что встала, он с недоумением добавил:

— Вы всегда были образцом дисциплины, что же сегодня так поздно?

— Э-э... ну... — Гун Юньшу не знала, что ответить. Внезапно вспомнив о Хуа Жолянъ, она спросила: — Господин Ли, тот молодой человек, что был вчера, он еще в управе?

— Тот господин? Она уехала. Странное дело, даже решив проблему с павильоном Пьяного бессмертного, она не выглядела довольной. Сидела в управе с ледяным лицом, наблюдая за работой градоначальника. Тот от её взгляда покрылся холодным потом, кажется, за время допроса он едва не высох от страха.

Генерал Ли рассмеялся, а потом добавил:

— Кстати, напоследок она обронила фразу: этот недотепа, должно быть, проспал. Маршал, что бы это значило? Постойте... почему вы покраснели?

Хуа Жолянъ задержалась в Цинчэне на день только ради Гун Юньшу. И в управу пошла только ради неё. А в итоге за всё утро так и не увидела её.

Ну, Гун Юньшу, погоди. Хлестнув коня, она направилась в столицу. За пределами города Тао Яояо сидела в карете, приподняв занавеску. Кто же заставил юношу в белых одеждах так разволноваться?

Ин правил конями. Хуа Жолянъ, утомленная, вернулась в карету и увидела, что Тао Яояо развалилась на сиденье, оголив плечо и принимая томные позы. Хуа Жолянъ моргнула и холодно произнесла:

— Прикрой плечо.

— Ну не надо, Ваше Высочество, на улице так жарко! — Тао Яоя и без того была писаной красавицей, а её вкрадчивый голос заставил Хуа Жолянью почувствовать себя крайне неудобно.

— Ты можешь говорить нормально?

— Ваше Высочество, вы такая странная, — Тао Яоя сменила позу на еще более вызывающую.
— Мужчины или женщины — все, услышав мой голос, начинают волноваться. Неужели вы... бессильны? Хотя, кажется, это мужской удел.

— Тао Яоя, ты так сильно хочешь вывести меня из себя?

— Ваше Высочество, это называется кокетство.

— Кокетство? — взгляд Хуа Жолянью похолодел. — Мне не нужны твои заигрывания.

Она приблизилась, её голос стал еще суше:

— Мне важна твоя полезность.

Она подошла вплотную, приподняла подбородок Тао Яоя и посмотрела ей прямо в глаза:

— Если будешь приносить мне пользу, получишь награду. Но если вздумаешь испытывать моё терпение... скажу прямо: таких, как ты, в Поднебесной пруд пруди.

Она с брезгливостью отпустила её подбородок и посмотрела сверху вниз. Изначально она хотела подкупить Тао Яоя, но теперь поняла, что угрозы действуют лучше — по крайней мере, не нужно терпеть её кокетство.

— Таких, как я? Проституток? Да, их в Поднебесной и правда хоть отбавляй... — Тао Яоя заговорила обычным голосом, и без маски соблазна он оказался неожиданно приятным. — Вы — особа королевской крови, живете в шелках и роскоши, ваше положение благородно. Естественно, вы презираете таких, как я.

На губах Тао Яоя заиграла горькая усмешка, а в глазах промелькнули зависть и ревность. Она ведь тоже должна была жить в роскоши, но из-за того, что её семья принадлежала к знати, отец погиб, мать умерла, мужчин сослали на границы, а женщин превратили в позорище.

Руки Тао Яоя, лежавшие на коленях, сжались так, что побелели костяшки. В ней накопилось слишком много обиды. Хуа Жолянью отвела взгляд — по тону Тао Яоя было ясно, что она питает глубокую неприязнь к императорскому роду.

Помолчав, она отступила на шаг, давая собеседнице пространство. Когда она заговорила снова, в её голосе прозвучали человеческие нотки:

— У тебя нет выбора, я уже стала твоей госпожой. А я никогда не обижаю талантливых людей. Чего ты хочешь? Говори прямо.

— Я хочу, чтобы те, кто истребил мой род, сдохли! — выпалила Тао Яояо, тяжело дыша. Она смотрела на Хуа Жолянью как на последнюю соломинку. Раз та смогла вытащить её из павильона, значит, она выбрала правильного человека.

Хуа Жолянью опасалась, что Тао Яояо попросит близости, на что она ни за что бы не пошла. Но отомстить врагам — это куда более выполнимая задача.

— Хорошо, я помогу...

Не успела она договорить, как Тао Яояо перебила её:

— Боюсь, вы не сможете. Мой враг — ваш третий брат, Чу-ван Хуа Жоцзин.

— Он?

Хуа Жоцзин славился своей добротой и мудростью. После того как он получил свой надел, он раскрыл крупное дело о хищении казны, за что был щедро вознагражден императором Вэнь-ди. Однако то дело затронуло многих.

Хуа Жолянью посмотрела на Тао Яояо, в глазах которой стояли слезы. Её третий брат был самым способным из всех сыновей императора. С ним трудно бороться, но необходимо.

— Почему я не смогу? — Хуа Жолянью села в карете. Она планировала внедрить Тао Яояо к старшему брату, но теперь передумала. — Сейчас я боюсь лишь одного: что ты не справишься с заданием.

— Ваше Высочество, говорите прямо.

Тао Яояо выпрямилась, отбросив легкомыслие. Она смотрела в глаза Хуа Жолянью, её лицо стало серьезным, а на губах появилась вежливая улыбка. Такая собранность вызвала у Хуа Жолянью невольное уважение.

— Я хочу, чтобы ты приблизилась к Хуа Жоцзину.

Вскоре ей предстояло выйти замуж за Гун Юньшу, и при этой мысли в глазах Хуа Жолянью

потеплело. Два князя вернутся в столицу на свадьбу. Старший брат погряз в распутстве, и отец до сих пор не объявил его наследником. Вопрос о престолонаследии оставался открытым.

У Хуа Жоцзина были все шансы занять трон. Но... Хуа Жолянъ вспомнила их встречи, и её взгляд помрачнел. Если этот человек станет императором, в живых не останется никого из его братьев. Дело о хищении казны показало его жестокость. Внедрить Тао Яояо к нему было верным решением.

— Что?!

Хуа Жолянъ не смотрела на Тао Яояо. Она понимала, что это несправедливо. Но таков мир. Воин, убивший десяток врагов, для своей страны — герой, а для врага — убийца. Важна ли правда? Всё зависит от того, на чьей стороне ты стоишь.

Она — принцесса, мать умерла рано, отец холоден...

— Ты можешь принять или отказаться. Я не принуждаю.

— А есть ли у меня выбор? — холодно усмехнулась Тао Яояо. — Вы ведь уже ухватились за мою жажду мести. У меня есть выбор? Вы — та, кто может спасти меня, и та, кто может бросить обратно в ад.

Хуа Жолянъ фыркнула:

— Тао Яояо, если ты думаешь, что я живу свободно и легко управляю чужими судьбами... — она горько усмехнулась. К чему эти разговоры? Разве она сама не птица в золотой клетке, связанная по рукам и ногам?

Хуа Жолянъ была очень худой, почти прозрачной. Внезапный приступ кашля заставил её согнуться. Подняв глаза, она увидела, что Тао Яояо наблюдает за ней. Хуа Жолянъ это не понравилось — никто не любит, когда его видят в беспомощном состоянии.

— Я просто беспокоюсь о вас, что вы себе надумали? — Тао Яояо отвела взгляд и насмешливо улыбнулась.

Хуа Жолянъ бросила ей золотой лист. На вид обычный, но присмотревшись, можно было заметить особые знаки.

— Береги его. Это знак доверия.

После долгого пути Хуа Жолянй вернулась в столицу. Тао Яояо она устроила в тайной сети в городе. Во дворце Чунхуа её встретила девушка, как две капли воды похожая на принцессу.

Хуа Жолянй облачилась в тяжелые парадные одежды. Поездка оказалась плодотворной. В зеркале отражалась безупречная принцесса с вежливой улыбкой.

Хунъянь принесла лекарство. Это была личная служанка Хуа Жолянй, оставленная ей матерью. Ей было около семнадцати, на лбу красовалась алая родинка, а одета она была в простую одежду, что придавало ей чистый, невинный вид. Очень милая девушка.

Хунъянь была искусна в медицине и была одним из немногих доверенных лиц принцессы.

Взгляд Хуа Жолянй задержался на родинке Хунъянь, и она вспомнила Тао Яояо, у которой была такая же. У той она была нарисована, чтобы подчеркнуть соблазнительность, а у Хунъянь была настоящей, придавая ей нежность.

Она сделала глоток горького отвара. Она не привыкла заедать лекарство сладостями — горечь во рту напоминала ей о том, как она была беспомощна.

— Ваше Высочество... — в глазах Хунъянь читалось самобичевание, она винила себя в том, что не может вылечить принцессу.

Яд в пище она обнаружила с самого начала. Она не понимала, почему принцесса, зная об опасности, продолжает есть. До тех пор, пока чиновники не предложили решить конфликт с Жунжанем мирным путем, выдав замуж единственную принцессу.

Император Вэнь-ди согласился.

Именно в тот день Хуа Жолянй слегла. Врачи диагностировали, что яд проник в кости и требует долгого лечения. Вэнь-ди, вспомнив о болезни дочери, проявил остатки человечности и отменил помолвку.

Но после того как он унаследовал империю, Вэнь-ди занялся строительством дворцов, и казна опустела. В итоге только благодаря пожертвованиям генерала Цзян И удалось собрать армию. В тех условиях, если бы Хуа Жолянй не отравилась, её бы точно отправили на чужбину.

Хуа Жолянй допила отвар. Видя ярость Хунъянь, она улыбнулась:

— О чем опять думаешь?

— Ваше Высочество, мне просто кажется, что если бы император не тратил столько денег на дворцы, вам не пришлось бы каждый день принимать яд.

— Хунъянь, — улыбка Хуа Жолянь сменилась строгостью, — это не те шутки, которые тебе подходит говорить.

— Я просто считаю, что это несправедливо по отношению к вам.

Хуа Жолянь вздохнула. Видимо, она слишком оберегала Хунъянь, раз та осталась такой наивной. Ей нравилась эта чистота, но Хунъянь не могла вечно оставаться ребенком.

— Хунъянь, что значит справедливо или нет? Я принцесса, чья мать умерла рано, такова моя судьба.

— Я поняла, Ваше Высочество, — опустила голову Хунъянь, боясь задеть чувства госпожи.

— Что можно говорить, а что нет — ты должна усвоить. Я не смогу защищать тебя вечно.

— Хунъянь поняла.

— Вот и хорошо, — Хуа Жолянь улыбнулась. — Идем к наложнице Мэй.

О любви Вэнь-ди к наложнице Мэй знали все. Он не жалел золота, чтобы построить для неё дворец Юйсю. Слыша, что она любит цветы сливы, он нанял мастериц, которые создали искусственные цветы, неотличимые от настоящих, и развесил их на деревьях в саду.

К сожалению, у наложницы Мэй до сих пор не было детей.

На глади озера была построена беседка. Женщина в ней сидела вполоборота: естественные брови, кожа, не нуждающаяся в румянах, нежные губы. Но всё это меркло перед её глазами. Черные, как тушь, зрачки, глубокие, как осенний пруд — чистые и пугающие своей прозрачностью. Казалось, в них отражалась вся её душа.

Это была наложница Мэй — любимица императора и близкая подруга матери Хуа Жолянь.

Она снова играла на гудине. Хуа Жолянь села в стороне и закрыла глаза.

— Камыши зелены, роса превратилась в иней... Тот, кого я люблю, на другом берегу... — мелодия стихла. Хуа Жолянь открыла глаза. Сколько бы она ни слушала, это всегда было наслаждением.

Мать часто рассказывала ей их историю.

Одна — Цзюнь Можань, наследница Долины лекарств, ныне её глава. Другая — Цинь

Цзыцзинь, наследница боевых искусств, ныне наложница Мэй. Третья — Фэн Вэйси, внучка левого премьер-министра, почетная императрица новой династии.

В начале правления женщины могли свободно путешествовать. Её мать не желала быть запертой в четырех стенах столицы. Случайно она встретила Цзыцзинь и Можань. Они стали неразлучны.

Фэн Вэйси часто говорила: Цзыцзинь танцует, я играю на флейте, Можань на гуцине, а я пью вино. Как же это было прекрасно...

Всё рухнуло с приходом одного мужчины. Нынешний император Вэнь-ди, будучи тогда наследником, услышал о трех красавицах. Мужская гордыня заставила его во что бы то ни стало заполучить их. Ходило много слухов, но один был признан самим императором: они были покорены его талантом и согласились войти во дворец.

Когда отец Цзюнь Можань умер, она вернулась в Долину. А Фэн Вэйси и Цинь Цзыцзинь, по слухам, боролись за внимание императора, но позже смирились и стали делить одного мужа.

Когда Хуа Жолян было пять лет, Фэн Вэйси была казнена по надуманному обвинению. Хуа Жолян временно жила у наложницы Мэй. Она была напугана, но наложница Мэй приняла её как родную. Однажды в саду она случайно сломала фонарь.

— Этот фонарь... — в глазах наложницы промелькнула боль.

— Я возмещу вам, — прошептала маленькая Хуа Жолян.

Наложница Мэй погладила её по голове:

— Этот Царь фонарей твоя мать выиграла на празднике в Цинчэне. Если хочешь возместить, пусть кто-нибудь выиграет для тебя такой же, и ты отдашь его мне.

— Хорошо, хорошо, только не сердитесь.

Мелодия стихла, Хуа Жолян встала:

— Наложница Мэй.

— Ваше Высочество, — та грациозно поднялась, одарив её улыбкой, от которой у любого перехватило бы дыхание.

Хуа Жолян подумала: вот она, красота, способная погубить царства. Неудивительно, что отец

так её балует.

— Вы становитесь всё прекраснее, глаз не оторвать, — пошутила она.

Если бы кто-то другой сказал это, наложница могла бы донести императору, что принцесса ведет себя неподобающе. Но для некоторых людей всегда делались исключения.

— А вы, Ваше Высочество, расцветаете еще ярче. Вашему будущему супругу придется нелегко с таким количеством соперников, — игриво ответила наложница.

Тот недотепа... Хуа Жолянь поморщилась. Человек, который даже не знает имени своей будущей жены, едва ли поймет, что у него есть соперники.

Стоп, почему она решила, что это именно он? Она уезжала из дворца, чтобы проверить Гун Юньшу. Если бы та оказалась расчетливой, она бы её использовала. Но... она оказалась такой простофилей, что Хуа Жолянь стало даже совестно её использовать.

Гун Юньшу, ну почему ты не можешь быть хоть чуточку хитрее и жестче?

Образ её ясных глаз снова всплыл в памяти, вызвав трепет. Хуа Жолянь не заметила, как это отразилось на её лице, но наложница Мэй всё увидела и едва заметно улыбнулась.

Всё это пронеслось в голове за несколько секунд. Хуа Жолянь не позволила эмоциям проявиться — во дворце те, кто не умеет скрывать чувства, долго не живут.

<http://bllate.org/book/19781/1949190>